

УДК 821.111.09

ФИЛОСОФИЯ РОМАНА ДЖ. М. КУТЗЕЕ «ДЕТСТВО ИИСУСА»

Ирина Валерьевна Кабанова

д. филол. н., зав. кафедрой зарубежной литературы и журналистики
Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
410012, Саратов, Астраханская 83. ivk77@hotmail.com

Впервые в российском литературоведении рассматривается философское содержание и художественные особенности романа Дж. М. Кутзее «Детство Иисуса» (2013). Дается сводка мнений западных рецензентов, констатирующая их недоумение перед новейшим экспериментом Кутзее, и предлагается прочтение произведения как художественного высказывания по основным проблемам постструктуралистской философии. Особенности построения сюжета и решения образной системы связываются с философским конфликтом романа между разными формами рационализма, которые автор изображает как редукцию живой человечности, и иррационализмом, в котором усматривается гарантия человеческой свободы, потенциал развития. В изображении социалистической дистопии Новиллы вскрывается протест против бюрократизации, автоматизации жизни, а в центральных образах Симона и мальчика подчеркивается сила и ценность нонконформизма и индивидуализма. Отдельное внимание уделяется постановке проблем познания, языка, памяти, нарратива, реальности. Показывается связь авторской философской мысли с его эстетикой.

Ключевые слова: Дж. М. Кутзее; философское познание; художественное познание; постструктурализм; редукционизм рационализма; иррациональное; чудесное.

Джон Максвелл Кутзее (род. 1940) – самый заслуженный и почтенный из ныне живущих англоязычных писателей, даже если скептически относиться к его литературным премиям (два Букера, Нобелевский лауреат 2003 г.). Он при жизни вошел в ту сферу великих, где перестает действовать табель о рангах; критики и читатели могут испытывать только гордость и благодарность за то, что им выпало счастье быть его современниками. Самый экспериментальный англоязычный писатель современности, самый закрытый, отказывающийся комментировать свои тексты, он, согласно преобладающему критическому мнению, в первый, так называемый апартеидный период своего творчества (1980–2003 г.), был вызывающе аполитичен, равнодушен к социальным проблемам своей родины ЮАР и следовал путем Беккета, Кафки и Достоевского [Head 2009; Hayes 2010]. После профессорской карьеры в Кейптаунском университете, выйдя на пенсию, покинул академический мир, но учительский, проповеднический дух открыто проявляет в своей публицистике. Переехав в Австралию в 2003 г., Кутзее стал выступать по проблемам экологии, этики, прав животных. Критики спорят о том, считать ли Кутзее постмодерни-

стом [Gallaher 1991; Attwell 1995] или поздним модернистом [Wade 1994; Bradshaw 2010], каковы его писательские стратегии [Attwell 1993; Haggan, Watson 1996], как следует его читать [Attridge 2004; Poyner 2006]. Все эти наработки учитываются в отечественных исследованиях творчества Кутзее [Павлова 2013; Григорьева 2014; Анцыферова 2014]. Как всякий великий писатель, Кутзее интересуется прежде всего вопросами эстетики, но если литература ставит те же «вечные вопросы», что и философия, только средствами художественно-образного познания, то писатель не может не быть в какой-то мере философом.

Кутзее, известный своей закрытостью в личной жизни, остается столь же закрытым в творчестве, всякий раз удивляя своей непредсказуемостью. Его шестнадцатый по счету роман «Детство Иисуса» (март 2013) всерьез озадачил читателей и критиков [Асланян 2013]; многие рецензии на него представляют собой перечень вопросов, остающихся без ответа. Звучали мнения, что если бы на рукописи не стояло имя Кутзее, ее не принял бы к публикации ни один издатель – настолько непонятен текст (напр., [Bellin 2013]). Другие рецензенты признавались, что при всей

внешней сухости романа его образы и речи героев преследовали их как наваждение, вызывали глубокое эмоциональное потрясение [Tayler 2013; Preston 2013]. Большинство критиков расценило произведение как проявление усталости автора от жанровых ограничений романа и странную, неудачную попытку выйти за рамки жанровых конвенций [O'Toole 2013; Oates 2013]. Очевидно, что гибридный по природе текст – трактат, роман и аллегория одновременно, говоря словами П. Беллина, «сократическая загадка и головоломка для аллегористов» [Bellin 2013] – несет философский посыл, но как его расшифровать?

Прежде чем предпринять такую попытку, обозначим свои исходные теоретические позиции. Вслед за философами-постструктуралистами считаем художественную литературу привилегированным методом познания, по сравнению с классической западной метафизикой. Поскольку литературный образ сочетает в себе рациональное, логическое и иррациональное, наглядно-чувственное, он обладает свойством возвещать не частичную, ограниченную, а полную, целостную правду о мире или, по крайней мере, создавать иллюзию такой правды. Философия и литература ставят в конечном счете одни и те же «вечные» вопросы, поэтому так часто профессиональные философы обращаются к произведениям художественной литературы в поисках примеров к своим размышлениям, признавая тем самым уникальное свойство литературы схватывать полноту и обнажать основы бытия, что делает всех великих писателей в известной мере философами. Из всех памятников словесности самые значимые для западной цивилизации – Ветхий и Новый завет, так что уже заглавие «Детство Иисуса» настраивает читателя на знакомство с евангелием от Кутзее.

В этом смысле читатель испытает разочарование. Как и все остальные романы Кутзее, это вполне атеистическая книга. Параллели с евангелием при желании найти можно, но до тех пор, пока мы не знакомы с возможным продолжением этого романа, эти одиночные параллели могут оказаться натяжкой, подсказанной заглавием, поэтому осторожней будет отнестись к ним как к части той интертекстуальной игры, которую Кутзее ведет с читателем во всех своих произведениях. Сам Кутзее, выступая в декабре 2012 г. с чтением отрывков из нового романа перед своими бывшими коллегами по Кейптаунскому университету, сказал: «Я хотел, чтобы книга была издана с чистой обложкой, с чистым титулом, чтобы, только перевернув последнюю страницу, читатель обнаружил заглавие – «Детство Иису-

са». Но, к сожалению, в сегодняшней издательской практике это недопустимо»¹.

Идеей спрятать от читателя заглавие в конце книги автор подталкивает нас к непредвзятому прочтению текста, который, как сад разветвляющихся дорожек, ведет сразу в нескольких направлениях.

Внешне и стилистически текст отличается странная простота. Относительно небольшой объем описываемых событий, по видимости реалистическая поверхность повествования сочетаются с целыми главами, заполненными философскими диалогами; причинно-следственные связи событий автор создает как бы лишь в уступку конвенциям реалистического повествования, намеренно демонстрируя их условность; интертекстуальность в романе столь же демонстративно бессистемна. Словом, книгу отличает тревожащий элемент некой алогичности, подрыва любых читательских ожиданий. Однако сюжетный конфликт вполне отвечает конвенциям романного жанра; в центре – два персонажа, выламывающиеся из окружающего их общества.

В некую южную страну, где все население составляют беженцы неизвестно от чего, забывшие о своем прошлом, говорящие по-испански (испанский ни для кого не является родным языком), где все безмятежно довольны своей новой жизнью, прибывают двое. Они встретились на корабле беженцев, когда маленький мальчик потерял привязанное у него на шее письмо со сведениями о его родителях, и заботу о малыше принял на себя немолодой мужчина. В момент высадки им дают документы, где значатся их новые имена – мужчина получает имя Симон, мальчик – Давид. В паспортах на глазок указан их возраст – 45 и 5 лет, и день выдачи документов становится их новым днем рождения. Все это происходит до начала повествования, которое открывается приходом Симона и Давида из лагеря для перемещенных лиц в город Новиллу. Реалистически подробно описывается их обустройство в скучной муниципальной квартире; Симон получает работу грузчика в порту, вскоре вступает в связь с соседкой, матерью друга Давида. Казалось бы, жизнь налаживается, но все в этой новой жизни раздражает Симона: ее упорядоченность и бюрократическая зарегулированность с кафкианским оттенком, постная еда (хлеб, лапша, вода, и бобовая паста в качестве деликатеса; когда Симон осведомляется, где можно достать мяса, ему без тени иронии советуют ловить крыс), пустынность улиц (по вечерам все обитатели Новиллы устремляются в некий Институт, где занимаются самосовершенствованием в классах по интересам). Что такое Новилла? – пародия на социалистическую уравниловку, дисто-

пия или изображение загробного мира, куда попадают после пересечения океана – вод летецкого забвения? Здесь перестает существовать телесная природа человека и сама сексуальность; здесь никто ни в чем не испытывает нехватки и все неизменно равны, благожелательны, а по сути, абсолютно друг к другу равнодушны. Роман содержит равные обоснования для любого из этих прочтений.

В поддержку трактовки Новиллы как потустороннего рая говорит то, что ее обитатели со временем окончательно теряют память о своем прошлом, подобно тому, как души умерших все больше удаляются от земной жизни. Память в современной философии выделена в отдельную проблему; в памяти философы видят основу личностной идентичности, основу всякого нарратива; утратив память о своем индивидуальном прошлом, обитатели Новиллы утрачивают не только себя. Образ Новиллы складывается из множества натуралистических деталей, но при этом внутренне он абсолютно статичен. В Новилле все единообразно, минимально и скучно: кварталы жилых комплексов, бесплатные транспорт и футбол по выходным, всем довольное население. Здесь никто ничего не скрывает, пространство и души как бы насквозь просвечены ярким южным солнцем, – и образ Новиллы запоминается как самый пугающий образ романа, потому что хотя этому пространству уделено много места, в нем нет основы для построения повествования – в Новилле память о прошлом «вымыта дочиста» (*washed clean*) [Coetzee 2013:24]². А без памяти, без ментальной системы координат для оценки настоящего, это настоящее лишается смысла; в Новилле не происходит ничего значимого, это пространство без смысла, симулякр города. Здесь нет страстей, нет плотских желаний, пресная пища служит в романе эквивалентом пресного существования.

Значительную часть объема романа составляют сократические диалоги, философские диспуты, которые Симон ведет с грузчиками из своей бригады. В отличие от остальных, Симон сохранил память о том, что у него когда-то были воспоминания, и эта смутная память о том, что он лишился чего-то важного, подталкивает его к вопросам о существующем положении вещей. Недовольство Симона выражается в попытках как-то облегчить тяжелый физический труд на причале, он предлагает разгружать суда с зерном с помощью подъемного крана, а в ответ слышит, что кран оставит многих товарищей без работы. Симон убеждается, что зернохранилища инфицированы крысами, пожирающими значительную часть разгруженного зерна, но бессмысленность труда ничуть не уменьшает гордости его

бригады тем, что они делают общественно полезное дело. Философами в романе выступают не только грузчики, во время обеденного перерыва дискутирующие о понятиях свободы, истории и реальности, но и возлюбленные Симона – Ана, Элена – женщины, которые соглашаются с ним встречаться, только чтобы его не обидеть. Симону кажется, что он вряд ли достигнет той фазы ровной благорасположенности к окружающим, той умиротворенности и бесстрастия, которые царят в безлюдной, безлюбой Новилле. Таким образом, еще до начала основного сюжетного развития автор обозначает две противостоящие философские позиции: Новилла воплощает в романе чистый рационализм, преодолевший эмоции, телесные потребности, сомнения в своей правоте; рационализм, забывший о самом существовании грешной, несовершенной человеческой природы. Критика рационалистского редукционизма в постмодернизме давно стала общим местом; Кутзее и ранее часто изображал крайности рационализма, эссенциализма. Противоположная сторона основного философского конфликта романа – иррационализм человеческой природы, состоящей из удивительных прозрений, возвышенных и эгоистических порывов, самообмана и слепоты как экзистенциального состояния человека, неизбежных ошибок.

Симон в романе руководствуется эмоциональными человеческими стремлениями, главное из которых – найти мать мальчика. Почему-то он уверен, что узнает ее с первого взгляда, и довольно рано в романе они с мальчиком видят теннисистку в белом, играющую на корте некой привилегированной Резиденции. Происходит нечто выходящее из рамок здравого смысла, правящего Новиллой, – тридцатилетняя бездетная девственница (параллель с Девой Марией) Инес соглашается стать матерью Давиду при условии, что Симон самоустранится из их жизни. Начинается основное действие романа – в рационалистической системе это история о том, как под влиянием не знающей границ любви Инес мальчик все больше погружается в мир своих фантазий; несмотря на усилия Симона, он становится неуправляемым, попадает в спецшколу, откуда бежит. Завершается роман бегством из Новиллы всего Святого семейства – Симон за рулем, едва разговаривающая с ним Инес рядом, а на заднем сиденье – мальчик с огромной овчаркой и случайный попутчик Хуан (третий волхв? Иоанн Предтеча?) едут прочь из Новиллы навстречу новой жизни.

Мальчик в романе – заглавный и центральный образ, в связи с которым и возникают главные философские проблемы романа. В тексте он именуется просто «мальчик», потому что ему не

нравится имя «Давид» и он утверждает, что у него на самом деле другое имя, но какое – не говорит. Не только Симон испытывает к нему сильнейшую, фактически отцовскую любовь. Малыш необычный, он сразу располагает к себе всех: людей, животных. Симон прекрасно исполняет отцовские функции, воспитывает в мальчике стойкость, открытость, благородство; он убежден, что невозможно воспитать нормального мужчину без материнской любви. Отдав мальчика без всяких условий Инес, он вскоре видит его с отросшими локонами, одетым в нарядную блузу, усаженным в коляску, сосущим большой палец (у мальчика это верный знак того, что ему плохо). Симон начинает сожалеть о своей ошибке. Инес не разрешает мальчику играть с друзьями, внушая, что он лучше всех, она отгораживает его своей чрезмерной любовью от остального мира и даже пытается настроить против Симона, но его диалог с мальчиком продолжается.

В том поле живой человечности, той непредсказуемой иррациональности, которое представляют в романе Симон и мальчик, встает вопрос – кто на кого оказывает большее влияние, кто кого воспитывает? С одной стороны, в реалистическом плане этой философской притчи Давид – трудный ребенок, доставляющий окружающим массу хлопот; лишенный биологических родителей, он, что с психоаналитической точки зрения совершенно естественно, испытывает большие трудности в процессе социализации. С другой стороны, в философском плане романа мальчик – тот младенец, устами которого глаголет истина. Общение с этим необычным мальчиком заставляет рациональных взрослых задуматься о собственных позициях.

До встречи с Инес мальчик отличается удивительной открытостью, доброжелательностью и устремленностью к добру. Читать ли роман как реалистический текст, или как философскую притчу, образ мальчика несет в себе заряд чуда – на вопрос, кем он хочет быть, он дольше всего на протяжении романа отвечает, что будет фокусником, выбирающимся из оков (*escape artist*). С одной стороны, он живет нормальным миром чудес детской фантазии, с другой – автор подчеркивает в нем потенциал мудреца и чудотворца. Так, мальчик заморожен идеей пустоты, небытия: сначала автор приводит его объяснения, почему он на тротуаре всегда обходит трещины. Оказывается, малыш боится, что любая из трещин может открыться бездной и затянуть его. Потом он признается, что в знакомой книге опасается провалиться в дыру на следующей странице, попасть в реальность параллельного мира, описываемого в книге. Наконец, на школьной

площадке он рассказывает мальчикам, что мир вокруг полон маленьких вулканов, состоит из извержений, которые видны только ему, а сам он при желании может стать невидимым. В материалистической Новилле такая сосредоточенность на нематериальных зияниях в ткани бытия, на невидимых глазу всплесках энергии опасна для личности, наделенной даром их ощущать. Мальчик как воплощение полноты жизни, рациональных и иррациональных ее свойств, особенно остро реагирует на столкновения со смертью. И здесь Кутзее, с одной стороны, демонстрирует психологически точную неспособность ребенка постигнуть идею смерти и тем более примириться с ней, а с другой стороны, в этих эпизодах последовательно наращивает потенциал мальчика как божественного создания, которому по силам отменить смерть, воскресить мертвое тело.

Когда в результате пожара на судне умирает один из грузчиков, мальчик впервые высказывает уверенность, что может вернуть его к жизни; в ответ на объяснения Симона, что тело умирает безвозвратно, а душа остается жить вечно, он восклицает: «Это неправда! У меня нет души! Я хочу спасти Марсиано!» (189). Так же бурно он реагирует на смерть своего друга, портового першерона по кличке Эль Рей, – когда старую лошадь пристрелили, мальчик заявляет, что Эль Рей поправится через три дня и пытается в буквальном смысле вдохнуть в него дух: «Мальчик склоняется и прижимается ртом к огромной ноздре лошади. Он быстро хватает мальчика за руку и оттаскивает его: “Нельзя! Это негигиенично! Ты заболеешь!”». Мальчик вырывается. Он открыто рыдает. “Я его спасу!” – всхлипывает он. – “Хочу, чтобы он жил! Это мой друг!”» (235–236).

Вообще метафора дыхания как духа встречается в романе неоднократно. Например, когда мальчик так самостоятельно формулирует закон круговорота воды в природе: «“Это небо выдыхает,” – он делает глубокий вдох и задерживает дыхание, на лице его улыбка, улыбка чистого интеллектуального восторга; потом он театрально выдыхает, – “а это небо выдыхает”. – “Тебе Инес рассказывала, как небеса дышат?” – “Нет”. – “Ты сам додумался?” – “Да”. – “А кто же это на небе дышит и устраивает нам дождь?”. Мальчик молчит. Сосредоточенно хмурится. Наконец, отрицательно качает головой. – “Ты не знаешь?” – “Я не помню”» (154–155). Далее, когда власти отбирают мальчика у Инес и помещают его в исправительную школу, он без труда выбирается оттуда, без единой царапины пробирается сквозь колючую проволоку, приходит домой нагим и торжествующим. Весь этот ряд эпизодов, когда мальчик выступает спасателем людей, живот-

ных, в символическом плане может быть воспринят как отсылка к евангельскому Спасителю.

Несколько раз в тексте Симон думает о мальчике как о даре, не просто как о своем даре ребенка бездетной Инес, не только как о даре судьбы ему самому. Постепенно слово «дар» (gift) расширяет значение в сознании читателя, мальчик начинает восприниматься как «дар человечеству». У него нет биологических родителей; он находится в положении символического «сына человеческого» или, учитывая то, что он «вспоминает» об устройстве мироздания, сына Божьего. Однажды у Симона даже мелькает мысль – а что если это не просто умный ребенок, ведь умных детей много, а нечто качественно иное? – но эта мысль обрывается, он как будто пугается своего прозрения. В рационалистическом мире Новиллы чудесный мальчик неизбежно подвергается ряду проверок, испытаний, но он не вызывает у читателя жалости, потому что мальчик мистически силен, притягателен, вокруг него в романе создается радостная аура. Его испытания заключаются в серии соприкосновений с действительностью вне семьи, которые можно в целом обозначить как конфликт живого с мертвиной Новиллы.

Опознаваемые философские проблемы, связанные с образом мальчика, – это проблемы познания, языка, идентичности, т.е. проблемы, выведенные для современной философии на первый план постструктурализмом. Конечно, это не первое обращение Кутзее к данной проблематике.

Роман изображает трудности учения мальчика. Привыкший к похвалам, он хвастается, что умеет читать и считать, еще до того как его начинают учить счету и письму. Мальчику долго не дается концепция числа, потому что абстракция числа лишена образного наполнения; он спрашивает Симона, откуда тот может знать, что 889 больше 888 – разве он бывал там? Сам он утверждает, что побывал на всех числах, и когда Симон ставит ему неразрешимую задачу – назвать последнее число, – автор описывает предельное напряжение ребенка, как будто он отправляется в бесконечное путешествие по бесконечному ряду чисел. Чтобы решить арифметическую задачу, ему нужно наглядно представить себе предметы, о которых идет речь, а цифры для мальчика – воплощение той самой формальной логики, которую он опровергает своим существованием. Мальчик испытывает страх быть поглощенным пустотой, теми зазорами, которые существуют между целыми числами; точно так же, как идя по тротуару, он обходит трещины, потому что боится, что одна из них может зловеще раскрыться и поглотить его. По

первому образованию Кутзее – математик, а арифметика продолжает оставаться сложнейшей областью математики, потому что в ней больше зависимость от аксиом, чем в прочих областях. Элементарные арифметические задачи, которым предаются герои, позволяют автору ввести читателя в философскую проблематику познания, которая наглядно разворачивается в истории обучения мальчика чтению.

Симон учит его читать по детскому, с картинками, изданию «Дон Кихота». Мальчик находит в Дон Кихоте своего героя, но предпочитает домысливать то, что видит на иллюстрациях, запоминать написание отдельных слов, а не учить буквы. К чтению, как ко всему остальному, у него свой подход – он придумывает собственную историю Дон Кихота, твердя при этом, что читает ее по книге, что умеет читать. Симон возражает: «Нет, не умеешь. Ты смотришь на страницу, шевелишь губами и придумываешь себе истории, но это не чтение. Чтобы читать, надо подчиниться тому, что написано на странице. Нужно отказаться от своих фантазий. Нужно перестать глупить. Перестать быть младенцем». – «Не желаю я читать по-твоему», – говорит ребенок. – «Я буду читать по-своему. Жил-был человек двойной смелости и квинтерфинтербелости, и когда он ехал верхом, он был конем, а когда он шел пешком, он был бенём». – «Это просто чушь. Никакого «беня» не существует. А вот Дон Кихот – не чепуха. Ты не можешь придумывать всякую отсебятину и притворяться, что читаешь про Дон Кихота». – «А вот и могу! Это не чушь, и я умею читать! Это не твоя книга, это моя книга!»» (196–197).

Что это значит – «читать по-своему»? Пример Давида – просто крайний пример читательской субъективности, но даже этот крайний пример ограничен текстом «Дон Кихота». Автор вообще ведет с «Дон Кихотом» в романе целую игру, не помяная имени Сервантеса, а называя в качестве автора того самого мавра Бененгели, которому Сервантес приписал свое творение. То, что читает вслух Симон, и то, как понимает главы из романа Давид, – две большие разницы, и автор, в сущности, ставит вопрос: а чем стандартное понимание «Дон Кихота» Симона предпочтительней того фантастического отражения текста, которое возникает в вопросах и репликах мальчика? До поры до времени вопрос об умении Давида читать повисает для читателя в воздухе, заслоненный другими сюжетными событиями, но позже он окажется чрезвычайно важным.

Как положено по закону, в шесть лет мальчик начинает ходить в школу, и его индивидуальная гармония с мирозданием нарушается, у него начинаются неприятности. Строгий молодой

учитель сеньор Леон тратит на него столько же времени, сколько на всех остальных учеников в классе вместе взятых, и не может добиться от мальчика ни послушания, ни толку – вместо письменных работ тот подает ему неразборчивые каракули. А главное, в каждом слове мальчика учитель чувствует вызов собственному авторитету. После первого исключения из школы Симон объясняет мальчику, что ему угрожает расставание с семьей, и через пару недель на экзамене в школе мальчик с легкостью, выразительно читает любые тексты и решает арифметические задачи. Сеньор Леон делает вывод, что с самого начала мальчик над ним издевался. Мальчика подводит диктант: учитель велит ему написать на доске предложение: «Я должен говорить правду», а мальчик пишет: «Я есмь правда» («*Yo soy la verdad, I am the truth*», 266). Переключка со словами Христа «Аз есмь путь и истина и живот» из евангелия от Иоанна [Ин 14:6] никак не акцентируется в тексте, напротив, автор уводит читателя в сторону более бытового восприятия эпизода как проявления непокорства мальчика. Чудо овладения чтением и письмом остается необъясненным; в ответ на вопрос Симона мальчик только пожимает плечами – «Это нетрудно» («*It's easy*», 265). Оказывается, все его утверждения о том, что он умеет читать и писать, к которым Симон относился как к детской похвальбе, были правдой, а для сеньора Леона он писал истории на своем, выдуманном им самим языке. Все это вместе взятое взрывает рациональный опыт учителя, и он свидетельствует в трибунале, что мальчик подлежит исправлению в Пунта Аренас, школе тюремного типа. Оттуда мальчик выбирается с той же эффектной легкостью, как циркач освобождается от цепей, в которые он закован. Это последнее чудо, которое мальчик совершает в романе, автор так же оставляет без попыток рационального объяснения.

«Детство Иисуса», как и все прочие романы Кутзее, – текст, запрограммированный на множество прочтений, смыслы его поэтому достаточно зыбки, но из приведенного выше анализа философской проблематики романа можно сделать следующие выводы. Автор сталкивает в романе унылый последовательный рационализм, воплощенный в дистопии Новиллы, и непредсказуемость иррационального, магию чуда, воплощенную в образе живого человеческого (или божественного?) чуда – мальчика. Пресная добронамеренность Новиллы исключает такую одаренность, духовную самостоятельность, отвагу и индивидуализм, которые проявляет этот ребенок. Сопровождающая его атмосфера чудесного воспринимается как угроза существующему порядку, и безликие бюрократические силы пытаются

справиться с угрозой изоляцией, помещением мальчика в колонию. Однако в «Детстве Иисуса», в отличие от ряда предшествующих романов Кутзее, чудо человечности одерживает верх над всемогуществом властей, что придает роману некоторое оптимистическое звучание. Образ мальчика – первый в творчестве Кутзее образ ребенка, воссозданный не с холодностью хирурга, а с теплотой и даже с юмором. При всех натяжках в образе мальчика, неизбежных при той степени философской нагрузки, которую он несет в романе, образ получился живым. Обращаясь в истории обучения мальчика к вопросам когнитивной психологии, к вопросам познания, мы находим ту же оппозицию знания рационального и интуитивного, причем автор явно привилегирует второе. Мышление художественными образами исключает рационалистический редукционизм; сама природа художественного образа передает внутреннюю противоречивость мира, которая в романе подчеркивается осознанным отказом автора от однозначности как таковой. Мы обозначили также спектр проблем современного гуманитарного знания, которые затрагивает автор романа: проблемы памяти, языка, нарратива, идентичности, реальности. Все это бурление философских проблем автор облекает в художественные образы разной силы воздействия, разной степени убедительности; какие из этих идей окажутся наиболее близки читателю, сторону каких персонажей он примет в идущих между ними философских спорах – решать каждому читателю самому; Кутзее, как всегда, никому ничего не навязывает.

Примечания

¹ «I had hoped that the book would appear with a blank cover and a blank title page, so that only after the last page had been read would the reader meet the title, namely *The Childhood of Jesus*. But in the publishing industry as it is at present, that is not allowed». Цит. по: *Farago Jason*. J. M. Coetzee's Stunning New Novel Shows What Happens When a Nobel Winner Gets Really Weird. Rev. of «The Childhood of Jesus» // *New Republic*. 14.09.2013. URL: <http://www.newrepublic.com/article/114658/jm-coetzees-childhood-jesus-reviewed-jason-farago> (дата обращения: 3.08.2014).

² Coetzee J.M. *The Childhood of Jesus*. L.: Vintage, 2014. P. 24. Далее цитируется это издание в переводе автора с указанием страницы в тексте. На с. 24 романа «have you washed clean?» впервые употреблено в бытовом смысле – социальный работник Ана спрашивает мальчика, дочиста ли он вымылся, но вопрос звучит в контексте ее разговора с Симоном о том, как переселенцы в Новиллу «смывают с себя» все узы прошлого.

Далее выражение «wash clean» используется многократно, автор играет с его семантикой, вызывая библейские ассоциации с обрядом крещения, с пролитой Христом искупительной кровью. Кроме того, обратим внимание на излюбленную Кутзее глагольную форму перфекта, подчеркивающую разрыв с прошлым. Об особом смысле перфекта интересно размышлял герой романа «Бесчестье».

Список литературы

Анциферова О.Ю. Влияние русской литературы на концепцию автобиографизма Дж.М.Кутзее // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 4(28). С. 176–184.

Асланян А. Слово было. Зачем? // Культурный дневник/Книжный шкаф. 19.03.2013. URL: <http://www.svoboda.mobi/a/24930900.html> (дата обращения: 13.02.1015).

Григорьева К. А. Автобиографическая трилогия Дж. М. Кутзее: жанровое своеобразие: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014. 198 с.

Павлова О. А. Категории «история» и «память» в контексте постколониального дискурса (на примере творчества Дж. М. Кутзее и К. Исигуро): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012. 20 с.

Attridge Derek. J. M. Coetzee and the Ethics of Reading: Literature in the Event. Chicago: University of Chicago Press, 2004. 240 p.

Attwell David. J. M. Coetzee: South Africa and the Politics of Writing. Berkeley; Cape Town: University of California Press – David Philip, 1993. 160 p.

Attwell David. ‘The Naked Truth’: A Response to Jean-Philippe Wade // English in Africa. 1995. № 22 (Oct.) P. 89–97.

Bellin Roger. A Strange Allegory: J. M. Coetzee’s «The Childhood of Jesus» // Los Angeles Book Review. 6.11.2013. URL: <http://lareviewofbooks.org/review/magical-child-troubled-child-on-jm-coetzees-the-childhood-of-jesus> (дата обращения: 3.08.2014).

Coetzee J. M. The Childhood of Jesus. L.: Vintage, 2014. 329 p.

Critical perspectives on J. M. Coetzee / ed. by Graham Huggan and Stephen Watson; preface by Nadine Gordimer. London; N.Y.: St Martin’s Press – Macmillan, 1996. 246 p.

Gallagher Susan V. A Story of South Africa: J. M. Coetzee’s fiction in context. Harvard: Harvard University Press, 1991. 274 p.

Hayes Patrick. J. M. Coetzee and the Novel: Writing and Politics after Beckett. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2010. 288 p.

Head Dominic. The Cambridge Introduction to J. M. Coetzee. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2009. 130 p.

Oates Joyce Carol. Saving Grace: J. M. Coetzee’s «The Childhood of Jesus» // New York Times, 29 August 2013. URL: http://www.nytimes.com/2013/09/01/books/review/jm-coetzees-childhood-of-jesus.html?pagewanted=all&_r=0 (дата обращения: 3.08.2014).

O’Toole Fintan. “The Master of the Unsaid”: rev. of : «The Childhood of Jesus» by J. M. Coetzee // New York Review of Books, 26.09.2013. URL: <http://www.nybooks.com/articles/archives/2013/sep/26/coetzee-master-unsaid/> (дата обращения: 5.08.2014).

Poyner Jane. Introduction // J. M. Coetzee and the Idea of the Public Intellectual / ed. by Jane Poyner. Athens, OH: Ohio University Press, 2006. P. 1–21.

Preston John. «The Childhood of Jesus» by J. M. Coetzee review // The Telegraph. 07.03.2013. URL: <http://www.telegraph.co.uk/culture/books/fictionreviews/9902114/The-Childhood-of-Jesus-by-JM-Coetzee-review.html> (дата обращения: 2.08.2014).

Taylor Christopher. Tables and Chairs: rev. of: J. M. Coetzee: A Life in Writing by J.C. Kannemeyer, translated by Michiel Heyns; *Here and Now: Letters 2008-11* by Paul Auster and J. M. Coetzee. Viking, 256 pp, March 2013, *The Childhood of Jesus* by J. M. Coetzee. Harvill Secker, 210 pp, March 2013 // London Review of Books. Vol. 35, № 6. 21.03.2013. URL: <http://www.lrb.co.uk/v35/n06/christopher-taylor/tables-and-chairs> (дата обращения: 3.08.2014).

Wade Jean-Philippe. Doubling Back on J. M. Coetzee // English in Africa. 1994. Vol. 21, № 1, 2. P. 191–219.

References

Antsyferova O. Yu. Vliyanie russkoi literatury na konzeptziyu avtobiografizma J. M. Coetzee [Influence of Russian literature on J. M. Coetzee’s concept of autobiography]. Vestnik Permskogo Universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Issue 4(28). P. 176–184.

Aslanyan A. Slovo bylo. Zachem? [There was a word. What for?]. Kulturnydneyvnik / Knizhnyshkaf. [The diary of culture / A bookcase]. Available at: <http://www.svoboda.mobi/a/24930900.html> (accessed: 13.02.1015).

Grigoryeva K. A. Avtobiograficheskaya trilogiya J. M. Coetzee: zhanrovoe svoeobrazie. Diss. cand. filol. nauk [J. M. Coetzee’s autobiographical trilogy: the problem of genre. Cand. phil. sci. Diss.]. Moscow, 2014. 198 p.

Pavlova O. A. Kategorii “istoria” i “pamyat” v kontekste postkolonialnogo diskursa (na primere tvorchestva J. M. Coetzee i K. Ishiguro). Avtoreferat diss. cand. filol. nauk [“History” and “memory” as the categories of postcolonial discourse (in works by

J. M. Coetzee and K. Ishiguro)]. Synopsis of Cand. phil. sci. Diss.]. Moscow, 2012. 20 p.

Attridge Derek. J. M. Coetzee and the Ethics of Reading: Literature in the Event. Chicago: University of Chicago Press, 2004. 240 p.

Attwell David. J. M. Coetzee: South Africa and the Politics of Writing. Berkeley–Cape Town: University of California Press – David Philip, 1993. 160 p.

Attwell David. ‘The Naked Truth’: A Response to Jean-Philippe Wade // English in Africa. Oct 1995. № 22. P. 89–97.

Bellin Roger. A Strange Allegory: J. M. Coetzee’s «The Childhood of Jesus» // Los Angeles Book Review. 6.11.2013. Available at: <http://lareviewofbooks.org/review/magical-child-troubled-child-on-jm-coetzee-the-childhood-of-jesus> (accessed: 03.08.2014).

Coetzee J. M. The Childhood of Jesus. L.: Vintage, 2014. 329 p.

Critical perspectives on J. M. Coetzee / Ed. by Graham Huggan and Stephen Watson. Preface by Nadine Gordimer. London – New York: St Martin’s Press – Macmillan, 1996. 246 p.

Gallagher Susan V. A Story of South Africa: J. M. Coetzee’s fiction in context. Harvard: Harvard University Press, 1991. 274 p.

Hayes Patrick. J. M. Coetzee and the Novel: Writing and Politics after Beckett. Oxford–New York: Oxford University Press, 2010. 288 p.

Head Dominic. The Cambridge Introduction to J. M. Coetzee. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 2009. 130 p.

Oates Joyce Carol. Saving Grace: J. M. Coetzee’s «The Childhood of Jesus» // New

York Times, 29 August 2013. Available at: http://www.nytimes.com/2013/09/01/books/review/jm-coetzee-childhood-of-jesus.html?pagewanted=all&_r=0 (accessed: 03.08.2014).

O’Toole Fintan. “The Master of the Unsaid”: rev. of : «The Childhood of Jesus» by J. M. Coetzee // New York Review of Books, 26.09.2013. Available at: <http://www.nybooks.com/articles/archives/2013/sep/26/coetzee-master-unsaid/> (accessed: 5.08.2014).

Poyner Jane. Introduction // J. M. Coetzee and the Idea of the Public Intellectual / Ed. by Jane Poyner. Athens, OH: Ohio University Press, 2006. P. 1–21.

Preston John. «The Childhood of Jesus» by J. M. Coetzee review // The Telegraph. 07.03.2013. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/culture/books/fictionreviews/9902114/The-Childhood-of-Jesus-by-JM-Coetzee-review.html> (accessed: 02.08.2014).

Taylor Christopher. Tables and Chairs: rev. of: *J. M. Coetzee: A Life in Writing* by J.C. Kannemeyer, translated by Michiel Heyns; *Here and Now: Letters 2008-11* by Paul Auster and J. M. Coetzee. Viking, 256 pp, March 2013, *The Childhood of Jesus* by J. M. Coetzee. Harvill Secker, 210 pp, March 2013. // London Review of Books. Vol. 35. № 6. 21.03.2013. Available at: <http://www.lrb.co.uk/v35/n06/christophertaylor/tables-and-chairs> (accessed: 03.08.2014).

Wade Jean-Philippe. Doubling Back on J. M. Coetzee // English in Africa. 1994. Vol. 21. № 1, 2. P. 191–219.

J. M. COETZEE’S «THE CHILDHOOD OF JESUS»: PHILOSOPHY IN THE NOVEL

Irina V. Kabanova

**Head of the Department of World Literature and Journalism
National Research Saratov State University**

The first Russian attempt to approach the meaning and form of J. M. Coetzee’s most complex latest novel «The Childhood of Jesus» (2013), the paper opens with a survey of the press reviews of the novel publication, stating the reviewers’ confusion in the face of the text. It offers a look into the novel as Coetzee’s another attempt at handling the main philosophical problems he had previously touched upon in his work, the problems characteristic of post-structuralism. The specifics of the plot and characters in the novel are seen as predicated on the main philosophical conflict of the text: the opposition of essentialist rationality and human irrationality. The former is perceived as the dangerous reductionism, which eliminates the meaning of humanity’s existence; the latter is depicted as the site of true humanity, passion, love, potential for change. In dystopian pictures of Novilla’s socialism, the author rejects bureaucratization, ossification of social life, whereas Simon and the boy embody the values of individualism and non-conformism. The problems of cognition, language, memory, narrative in the novel are also touched upon. The concurrence between Coetzee’s philosophy and the aesthetics of the novel is shown.

Key words: J. M. Coetzee; philosophical cognition; cognition in arts; post-structuralism; rationality; reductionism; irrationality; magic.